

*Автор благодарит за помощь и поддержку
Макса Д (он же Road Warrior)*

Пролог

***23 апреля (5 мая) 1801 года. Рассвет.
Балтийское море недалеко от Ревеля.
Борт 36-пушечного фрегата
Его Величества «Бланиш».
Полковник королевской морской пехоты
Пол Хатчингс***

Ну вот, началось. Шлюпки с моими парнями отвалили от бортов кораблей эскадры и осторожно, стараясь не шуметь, направились к затаянному легкой предрассветной дымкой берегу...

Вчера вечером штабной офицер сообщил мне страшную весть — эти чертовы русские каким-то непостижимым способом убили нашего любимого адмирала. По его словам, выстрел был произведен словно из преисподней, при этом никто ничего не видел и не слышал. Просто неизвестно, откуда прилетела пуля и разнесла череп сэра Горацио. Не иначе смерть адмирала — дело рук «пятнистых» русских, о которых рассказал вчера лазутчик из Ревеля. От его слов у меня даже мороз пошел по коже. И это несмотря на то, что я всегда считал себя человеком смелым, повидавшим много такого, чего нормальному человеку лучше не видеть.

Как я понял, на военном совете, состоявшемся на борту «Элефанта», было принято окончательное решение — продолжить операцию и атаковать Ревель. Пусть этот проклятый город превратится в погребальный костер нашему адмиралу. Так, кажется, римляне и греки хоронили своих павших героев.

Я долго думал, сообщать ли солдатам и офицерам о смерти сэра Горацио. С одной стороны, печальное известие о том, что с нами нет адмирала, могло пагубно отразиться на боевом духе морских пехотинцев. С другой стороны, мои парни будут рваться в бой, чтобы отомстить за его смерть. Ведь те, кто носит военную форму, всегда помнят — рано или поздно и за ними может явиться старуха с косой. Так стоит ли бояться смерти и прятаться от нее?

Сегодня, когда восточная сторона неба едва зарозовела, десант начал грузиться в корабельные шлюпки. Надо было незаметно, но быстро добраться до вражеского берега. Высадив первую волну морских пехотинцев, шлюпки помчатся к кораблям, чтобы забрать вторую волну. А до того времени, пока она прибудет, те, кто высадился первыми, будут находиться один на один с противником. Даже артиллерия с кораблей нам ничем не поможет — когда вражеские солдаты сблизятся с нами, то уже нельзя будет вести прицельный огонь — можно запросто угостить ядрами своих же.

Но пока противника не видно. Это не значит, что его нет вообще. Вполне вероятно, что он поджидает нас и откроет огонь тогда, когда мы сблизимся с ним лицом к лицу. И хотя этот бой для меня не первый, но все же я почувствовал легкий мандраж. Ничего, как только загремят первые выстрелы, все сразу пройдет. Надо будет бежать вперед, стрелять и рубить врага, словом — убивать.

Дно шлюпки зашуршало по прибрежному песку. Хорошо, что здесь можно пристать прямо к берегу. Не очень-то хотелось прыгать в холодные волны. Я достал пистолет и взвел курок. Морские пехотинцы развернулись в цепь и, чуть пригнувшись, осторожно двинулись вперед. Берег молчал.

Помнится, что лазутчик по имени Том рассказал вчера, что после высадки нас всенепременно должны атаковать русские егеря. Но их что-то не видно. Может быть, они еще ничего не знают о нас? Что ж, тем лучше. Если мы успеем без потерь десантироваться, то тогда русским придется плохо — мои парни быстро надерут им задницу.

Шаг за шагом мы двигались вперед. Вот уже последние солдаты первой волны высадились на берег. Шлюпки развернулись и резво помчались к кораблям, стоящим на якорях. И тут начались наши неприятности. Лейтенант Николсон, шагавший рядом со мной, вдруг вскрикнул и ничком рухнул на песок. Выстрела я не слышал. Справа и слева раздались испуганные крики. Похоже, что кто-то невидимый в предрассветной мгле беззвучно, одного за другим убивал моих людей.

В небо с шипением взлетела пылающая звездочка, с легким хлопком превратилась в маленькое солнце и медленно стала опускаться вниз.

— Боже праведный! — испуганно воскликнул сержант Грэхем, заслоняя рукой глаза от яркого света. — Что это такое?!

Впереди загремели выстрелы. Морские пехотинцы от неожиданности попятнулись. Надо было срочно что-то делать, иначе русские егеря — а кто же еще мог вести по нам такой меткий огонь — перестреляют всех нас, словно кроликов.

Не целясь, я пальнул из пистолета в сторону противника, потом выхватил из ножен саблю и воскликнул:

— Вперед, ребята! За короля и нашу старую добрую Англию!.. Покажем этим русским свиньям, что такое британская морская пехота!

Глава I

С МОРЯ ТЯНЕТ ГАРЬЮ

*5 (17) марта 1801 года.
Эстляндская губерния. Ревель.
Майор ФСБ Никитин Андрей Кириллович.
РССН УФСБ по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области «Град»*

Сегодня мы тихо и мирно, без особых торжеств, встретили наших путешественников. Мы — это капитан-лейтенант Иван Федорович Крузенштерн, генерал-майор Михаил Богданович Барклай-де-Толли и аз недостойный, отрок Андрюшка, сын Кириллов. В Ревель мы прибыли чуть раньше главных сил, став своего рода квартирными и разведчиками.

С Иваном Федоровичем Крузенштерном мы успели по дороге сдружиться, и, хотя я и не рассказал ему, что мы попали в его время из будущего, он, похоже, уже начал об этом догадываться. Я старался напрямую не отвечать на некоторые его вопросы, отшучивался, но это у меня получалось неважно. Кончилось же все тем, что я, махнув рукой на конспирацию, взял с него честное слово русского офицера и рассказал о том, как мы самым удивительным образом угодили в прошлое. Надо сказать, что Крузенштерн довольно спокойно воспринял мой рассказ.

— Выходит, Андрей Кириллович, — сказал он, — наше будущее вам заранее известно, и вы знаете все наперед?

— Не совсем так, Иван Федорович. Дело в том, что наше вмешательство уже несколько изменило ваше будущее. И теперь в нем многое пойдет не так, как у нас. Хотя основные события пока происходят так же, как и в нашей истории.

— Понятно, — кивнул Крузенштерн. — Значит, и у вас к Ревелю подходила эскадра адмирала Нельсона. Интересно, чем тогда все закончилось?

— А в общем-то ничем. В Михайловском дворце заговорщики убили императора Павла Петровича, новый же император Александр Павлович решил не ссориться с британцами. Адмирал Нельсон, предупрежденный об изменениях в российской политике, ограничился лишь демонстрацией морской мощи Соединенного королевства. В Ревель его не пустили, и, побродив по Балтике, его эскадра отправилась восвояси.

Крузенштерн пожал плечами, но ничего больше не спрашивал. Он замолчал, видимо, переваривая полученную от меня информацию.

По прибытии в Ревель я нанес визит генералу Барклаю-де-Толли. Будущий фельдмаршал отвечал мне по-русски с сильным немецким акцентом, при этом он был немногословен и подчеркнуто вежлив. Похоже, что Барклай получил от императора соответствующие инструкции и потому никак не мог понять, как ему следует вести себя со мной. С одной стороны, чин мой был не так, чтобы уж очень — майор, коих в русской армии немало. А с другой стороны, в бумаге, подписанной императором, говорилось, чтобы все свои действия он непременно согласовывал со мной и с подполковником Бариновым. В конце концов, узнав о том, что всеми делами по обороне Ревеля от супостата будет заниматься генерал Кутузов, Барклай успокоился и стал внимательно слушать меня, время от времени что-то записывая по-немецки в свою походную тетрадь.

Первым делом я предложил провести рекогносцировку местности, чтобы прикинуть, каким образом эскадра Нельсона может попасть в гавань и где нам следует ждать высадки отряда британских морских пехотинцев. И если о корабельном составе противника нам более или менее известно, то о численности его морской пехоты можно было лишь гадать. Со слов нашего историка Василия Васильевича Патрикеева, на Балтику Нельсон отправился, имея на кораблях эскадры примерно шестьсот морских пехотинцев. Но была ли это общая численность «вареных раков»¹, или сия цифра предполагала лишь количество приданных сил, сверх того количества морских пехотинцев, которые находились на кораблях эскадры согласно штатному расписанию? О сем даже Василий Васильевич не мог ничего сказать толком.

И еще. Во время ожесточенного сражения с датским флотом и береговыми батареями Копенгагена британцы понесли серьезные потери. Известно, что они получили подкрепление из Англии, но достаточное ли было оно для того, чтобы полностью восполнить убыль в людях? Об этом тоже оставалось лишь предполагать. К сожалению, у нас не было своих людей на британской эскадре, которые могли бы предоставить нам хотя бы самую приблизительную информацию о сухопутных силах противника.

Михаил Богданович, выслушав меня, покачал своей изрядно облысевшей головой. Он был огорчен тем, что наши данные о силах британцев неполны.

— Господин майор, — сказал Барклай, — это есть очень скверно, что мы так мало знаем о том, с чем нам придется столкнуться. Без разведки мы как без глаз.

¹ Так называли морских пехотинцев Британского королевского флота за их красные мундиры.

— Это понятно, — ответил я. — Но мы постараемся в самое ближайшее время получить необходимые нам сведения и сразу же доложим их вам. А насчет разведки как таковой... Этот вопрос мы уже обсуждали с государем. И он решил, что надобно как можно быстрее создать военную разведку, которая постоянно будет отслеживать состояние вооруженных сил иностранных держав — наших потенциальных противников. Назвать новую службу решено «Особая канцелярия». Она должна работать по трем направлениям: стратегическая разведка, добывающая за границей важнейшую информацию, тактическая разведка, собирающая данные о войсках противника, дислоцированных в сопредельных государствах, и контрразведка, выявляющая и обезвреживающая вражескую агентуру.

— О, это было бы просто замечательно! — Барклай на мгновение даже потерял свою обычную невозмутимость. — Я тоже не раз думал об этом. Как хорошо, что государь принял такое мудрое и своевременное решение!

Я усмехнулся про себя — «Особая канцелярия при военном министре» в нашей истории — детище самого Барклая. Она была создана в 1810 году, когда он стал военным министром Российской империи. Потому-то Михаил Богданович так восхитился планами императора Павла.

Мы с Крузенштерном и Барклаем облазили побережье Ревельской бухты, стараясь определить место, где британцы могли бы высадить десант. Почти единодушно мы пришли к следующему выводу — скорее всего, они попытаются сделать это в районе мызы Мариенталь, расположенной неподалеку от развалин монастыря Святой Бригитты. Здесь транспортные корабли с десантом могут подойти почти к самому берегу — это позволяли глубины — и высадить морских пехотинцев,

которые сошли бы на берег, что называется, не замочив ног. Отсюда сравнительно недалеко было до города и Купеческой гавани. К тому же с восточной стороны Ревель не имел сильных укреплений.

Впрочем, адмирал Нельсон — противник серьезный и умный. Он мог принять и другое решение. Следовало иметь в виду возможность высадки врага и в других местах.

Я пока не стал рассказывать своим спутникам о полученной конфиденциальной информации об активизации английской агентуры, а также о подготовке к диверсионным актам в Ревеле. Я лишь намекнул Барклаю о возможных происках вражеских агентов. Как ни странно, но Михаил Богданович все услышанное воспринял правильно и лишь попросил меня немедленно сообщить ему, если я что-либо узнаю об этом.

По радиции мне передали информацию о том, что караван наших ребят с «тиграми» и «скорой» уже на подходе к месту назначения. Мы с Крузенштерном и Барклаем выехали им навстречу по Ревельскому тракту, соединявшему Санкт-Петербург с главным городом Эстляндской губернии. Зрелище, которое мы имели честь лицезреть, было отчасти комическим, отчасти эпическим. Три огромных белых кокона на колесах с трудом тащила упряжка могучих коней с густыми гривами и широкими спинами. Издали они напоминали трудолюбивых муравьев, волокущих толстых гусениц в муравейник. Кареты же и повозки, которые следовали в составе конвоя, были зрелищем обыденным и потому не вызывали особого интереса у городских обывателей. Десятка три всадников сопровождали наших путешественников.

— Андрей Кириллович, — спросил у меня Крузенштерн, — а что это за груз, который так тщательно укрыт и который ваши люди везут с таким бережением?

— Всею свое время, Иван Федорович, — ответил я. — Я расскажу вам о нем чуть позже, а пока могу лишь сообщить, что это наше секретное оружие.

Барклай, услышав мой ответ, с любопытством стал разглядывать зачехленные «тигры» и «скорую».

От конвоя отделились двое конных. Ими оказались поручик Бенкендорф и подполковник Баринов. Бенкендорф был в форме Семеновского полка, а мой шеф — в нашей обычной камуфляжке.

— Ваше превосходительство, разрешите доложить, — сказал Пан, отдав честь Барклаю. — По пути следования чрезвычайных происшествий не было. Все живы и здоровы. Где мы можем остановиться и разместить нашу технику?

— Рад вас видеть, господин подполковник. Замечательно, что вы добрались без происшествий, — ответил Барклай. — А разместим мы вас в Ревельском замке — это который в Вышгороде...

6 (18) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург, Михайловский замок.

***Патрикеев Василий Васильевич,
журналист и историк***

Утром я неожиданно для себя получил дружеское послание... Ни за что бы не догадался, от кого! Хотя нечто подобное мне все же порой приходило в голову.

В общем, один французский негодник, прибывший на днях в столицу Российской империи, через графа Федора Ростопчина почтительно попросил меня уделить ему несколько минут, чтобы переговорить с глазу на глаз. Ну, если сам глава российского внешнеполитического ведомства счел нужным передать мне столь необычную просьбу, то причина для этого, наверное, была достаточно весомая.

Француз, представившийся мне как «мсье Жак», был явно не из санкюлотов и якобинцев. Его обхождение и изящные манеры говорили о том, что он дипломат (или шпион — что, в принципе, одно и то же) еще королевской выделки. Впрочем, для француза он был умеренно краток и после взаимных приветствий передал мне плотный запечатанный конверт, на котором были написаны лишь моя фамилия и имя. Адрес и данные отправителя отсутствовали.

Увидев мой вопросительный взгляд, мсье Жак вежливо пояснил мне, что внутри конверта находится еще один конверт, на котором указано, кто автор сего послания. Затем таинственный гость поспешил откланяться, оставив, впрочем, записку с адресом, по которому его можно найти в Петербурге, чтобы переслать ответ на послание неизвестного пока мне корреспондента.

Когда дверь за мсье Жаком закрылась, я вскрыл конверт и обнаружил внутри него другой конверт, на котором было написано по-французски: «Господину Василию Патрикееву от Первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта». Вот так! Ни больше, ни меньше!

Вскрыв второй конверт, я обнаружил в нем два листка, исписанных неровным почерком. Французский язык я практически не знал и потому, вздохнув, убрал послание Наполеона в конверт. Связавшись по рации с императором, я попросил у него срочной аудиенции. Пусть Павел лично прочитает это письмо и заодно убедится в том, что я не собираюсь вести никаких политических игр за его спиной. В данном случае честность — лучшая политика. А для себя решил — надо всерьез заняться французским языком. На нем, как на втором родном, говорит вся российская аристократия. В этом я мог лишний раз убедиться, посетив недавно хлебосольное семейство Кутузовых.

Павел не особо удивился, узнав, что Бонапарт прислал мне личное послание.

— Вы знаете, Василий Васильевич, — сказал он с улыбкой, — я тоже на днях получил послание от Первого консула. Полагаю, что этот французский «Цезарь» решил предпринять столь активные дипломатические действия для того, чтобы подготовить почву для подписания с нами договора о военном союзе. Если вы позволите, я бегло ознакомлюсь с адресованным вам посланием, а потом переведу его вам.

Император прочитал письмо Бонапарта, слегка морщась от того, что почерк Наполеона был не совсем разборчивым, пару раз хмыкнул, а потом, положив послание на стол, на мгновение задумался.

— Я так полагаю, Василий Васильевич, — произнес наконец Павел, — этот хитрый корсиканец уже догадывается о вашем, скажем так, весьма странном появлении в нашем мире. Уж очень он к вам почтителен. Даже совета у вас просит, как нам всем вместе покарать эту «l'Angleterre maudite» — «проклятую Англию». И еще, господин Бонапарт выражает страстное желание встретиться со мной и с вами как можно быстрее. Какой он, однако, нетерпеливый!

— Ему надо спешить, — усмехнулся я. — Французские войска в Египте находятся в трудном положении. Фактически они в полной блокаде. Если их не выручить, то им ничего не останется, как сложить оружие. В нашей истории это произошло 27 июня сего года.

— Понятно... — задумчиво произнес Павел. Император покачал ногой, зачем-то потеревил золотую канитель на плюмаже, а потом произнес: — Действительно, господину Первому консулу надо поспешать. Я полагаю, что как только закончатся все наши английские хлопоты в Ревеле, нам следует удовлетворить его просьбу и встретиться с ним с глазу на глаз.